

Экран и сцена.
1996. - 16-23 мая.
9/16.

— Помню, мне было 35 лет. В семье был разлад и все такое прочее. Я уже думала: 35 это возраст, молодость прошла, зато есть сын, надо думать о сыне. А теперь мне уже ох-хо, страшно сказать, но я так, как раньше, не думаю. У меня какое-то легкомысленное чувство, что впереди еще длинный-длинный путь. Во всяком случае, меня не пугает старость, появляющиеся сединки. Книжки, которые я читаю, говорят мне, что наша жизнь не кончается со смертью физического тела, что оно лишь оболочка, чехол. Стоит ли убиваться, что этот чехол дряхлеет? Естественно, будет новая жизнь, дадут другой чехол, новенький, свеженький.

— Какие же книги вы читаете?

— Меня, как в далеком детстве, снова мучает вопрос о смысле бытия. Наверное, поэтому мне так легко и интересно общаться с моими внуками. Недавно восьмилетний Стасик на мой вопрос: "О чем ты сейчас думаешь?" — ответил без тени юмора: "О бренности всего сущего". Но я с ним не согласна. И читаю я такие книги, которые помогли бы мне в постижении смысла "всего сущего". Увлекаюсь психологией, биоэнергетикой. Читаю ставших популярными Э.Цветкова ("В поисках утраченного "Я"), С.Лазарева (Диагностика кармы"). И давно известных, но только сейчас ставших доступными Э.Фромма, З.Фрейда. Последнее, что читала, — "Сиддхартха" Германа Гессе. Сиддхартха всю жизнь искал смысл бытия. И когда стал древним стариком, понял, что смысл этот — любовь: "Для меня же важно только одно — научиться любить мир, не презирать его и себя, а смотреть на него, на себя и на все существа с любовью, с восторгом и уважением". Кстати, этой мудростью пронизана вся русская классика, прежде всего — ни с кем не сравнимый Чехов.

Сын открыл для меня Карлоса Кастанеду. "Путь знания", которому учил дон Хуан Карлоса, — путь дружбы с подсознанием, где сокрыто все, что было, что будет, где есть ответы на все вопросы. Актеры знают, что подсознание нельзя насилловать, но его можно спровоцировать, разбудить. И когда, помимо техники и мастерства, в творческий акт включается сама природа, стихия подсознательного, то случаются гениальные прозрения — в литературе, в музыке, на сцене.

Все это очень интересно! Если бы я не была артисткой, я бы занялась психологией творчества.

— Помогают ли эти занятия жить иначе?

— Помогают. Я вообще-то не из тех, кто стремится к одиночеству. Но одной мне тоже не бывает скучно. С тех пор, как я поняла, как это плохо, когда себя не любишь. Чем больше узнаешь о человеческой природе, тем с большим интересом, удивлением относишься к людям. Да и к себе тоже. Каждому из нас достался удивительный маленький мир, который называется "я". Этот мир не мною создан, он полон загадок и тайн, он уникален. Он стоит того, чтобы его любили,

совершенствовались, всматривались в него...

— И на этом жизненном витке вы открыли в себе способности экстрасенса?

— Эти способности есть у всех. Просто их нужно развивать. Я чуть-чуть поучилась у нескольких интересных людей. Ровно настолько, насколько это нужно для профессии. Я заинтересовалась биоэнергетикой задолго до того, как это стало модным. Еще в начале моего актерского пути в Красноярске меня озадачивали некоторые вещи. Допустим, я плачу, кричу, катаюсь по сцене, а зрители шуршат бумажками, разговаривают. Они не захвачены действием. А в какие-то другие моменты, иногда яркие и

на всего лишь малость: самому нужно быть к нему расположенным!

— "Театр Ларисы Малеванной" уже знают в Питере, ваши спектакли выискивают в афише, хотя это не просто: у вас же нет пока своей сцены, вы арендуете то малую сцену, то зал Юсуповского дворца. Свой театр требует сил. Откуда они берутся?

— Свой театр — это случайность. Я к этому не стремилась, у меня не было ни малейших амбиций. В эту историю меня втянули мои бывшие студенты, это они хотели, чтобы у нас был свой театр. Но, наверное, наш театр кому-то нужен. Как ни странно, но, интересуясь собой, я перестала

тальной силе, которая заложена в каждом из нас. К своему творческому потенциалу. А творческой может быть и работа дворника, и артиста, и домохозяйки. Можно халтурить, а можно развивать то богатство, которое нам дано при рождении. Его можно либо угробить, либо развить. Это, наверное, и есть правильная жизнь. Не нужно пещься о внешних событиях. Раньше, если не было ролей, — я убивалась до отчаяния. А сейчас — нет. Нет ролей в БДТ, я всегда найду себе работу. Главное — не стоять на месте. Стояние на месте — смерть. Нет роли? Можно подушечку крестиком вышивать. Можно внуку носочки связать. Можно мебель в квартире переставить. И еще мудрецы говорят, что в своей жизни мы получаем ровно столько, сколько заслужили. Если нас не любят, значит мы не любим. Если мы агрессив-

тастрофа, потому что они были вместе десять лет. Но, как я пыталась объяснить это на репетиции, ее нельзя было не бросить, это было неминуемо, потому что женщина растворилась в этом человеке, бросила себя ему под ноги. Дом запущен, ходит в халате, это было нечесаная-неприбранная — конечно, он ее бросил. Постепенно выясняется, что по существу она никого не любит, не умеет. Но потом, пережив горе, она начинает замечать других людей, в ней просыпается сострадание — и в душе ее наступает мир.

— Помню, как-то давно на 8 Марта была на питерском ТВ передача: в кадре сидели три очень популярные актрисы — Наталья Тенякова, Антонина Шуранова и Лариса Малеванная, и говорили о любви. За эти годы что-то изменилось в вашем понимании любви?

— Да, тогда я была под впечатлением пьесы Макса Фриша "Санта-Крус", в которой меня одна мысль ошеломила. Потом я отошла от этого, но теперь снова вернулась. Там молодая героиня мечется, выбирает между богатым бароном и нищим бродягой моряком. А отец ей говорит: "Не бойся случайностей, Эльвира! За кого ты выйдешь замуж — все равно. Это случайность. Не случайно лишь одно, что ты — Эльвира". То есть важно лишь то, какова ты сама. Я очень боюсь учить, поучать, даже страшно высказываться о любви. Это самое трудное искусство. И это куда-то улечучивается из жизни. Любить мало кто умеет. И я не уверена, что я умею. Это очень большой вопрос. И самый насущный.

— Я пыталась как-то недавно понять, что происходит в театре с любовью. Если раньше "и крестьянки любить умели", то теперь и герои-любовники этим не интересуются.

— Что-то случилось с жизнью. Мы ее до того довели, что она это чувство истребляет. Мне кажется, сегодня мало кто переживает это чувство — в том широком смысле, о котором вы говорите. Когда я думаю о сыне, о внуках, я понимаю, что люблю их. Хотя ограждаю себя от безумной любви, такой, когда любишь не их, а себя, свое чувство, упиваешься им. Стараюсь так же относиться к чужим людям. Много вещей мы не знаем. Не знаем зависимости наших душевных движений от космических сил, взаиморасположения звезд.

Говорят, что стык веков на человека влияет. Всегда начало века переживается нервно, конфликтно, тревожно. Чеховское "Холодно-холодно... пусто-пусто..." — это то, что было в начале XX века, и в начале XXI — так же. Наверное, выход только один: превратиться в маленький фонарик и освещать дорогу хотя бы тем, кто рядом, хотя бы чуть-чуть.

Беседу вела
Елена АЛЕКСЕЕВА.

● Л. Малеванная с сыном, невесткой, внуками.

Фото М. ДМИТРИЕВА.

Лариса МАЛЕВАННАЯ:

“У меня такое легкомысленное чувство, что впереди длинный-длинный путь”

Актрису Малеванную мы знаем давно: еще по фильму “В день свадьбы”, по первым шагам в легендарном Красноярском ТЮЗе, потом, по возвращении в Ленинград она была Марюшкой в “Сорок первом” (Театр Ленсовета), играла в Ленкоме, Большом драматическом. С недавних пор знаем ее еще и как педагога и как создателя своего театра. Причем последний этап, как мне кажется, замечательно повлиял на Ларису Ивановну; она расцвела, помолодела, несмотря на необходимость помимо спектаклей и репетиций заниматься еще проблемами ремонта и аренды, поиском спонсоров и инвесторов, пробиванием бюрократических стенок и прочее. Неужели это новое дело так красит женщину?



сильные, а иногда и очень тихие, что-то такое во мне происходило, мне непонятное, и зал замирал, я владела им, как гипнотизер. Теперь я это понимаю. Все профессиональные ухищрения — ничто, если в актерском пребывании на сцене не участвует психическая энергия, если спит душа. Можно с помощью сознательной техники, некоторых приемов это умение обращаться со своей энергией развивать. И не только на сцене, но и в повседневной жизни. Можно успокоить человека, не сказав ни одного слова. Можно заранее расположить к себе человека еще до встречи с ним. Но для этого нуж-

но, значит к нам будут агрессивны. Я стараюсь во всех людях, даже в тех, кто мне несимпатичен, находить хорошее, примиряться с ними. Мне это трудно, я очень норовистая. Но стараюсь.

— Недавно вы сыграли премьеру по пьесе Фугарда “Здесь живут люди”. И предстали совершенно в ином актерском качестве, безжалостно по отношению к себе.

— Мне очень нравится пьеса и роль. Кстати, там та же проблема — отношение к жизни. Мою героиню, пятидесятилетнюю женщину, бросил любовник. И она воспринимает это как катастрофу. И, наверное, это для нее ка-

тastrophe, потому что они были вместе десять лет. Но, как я пыталась объяснить это на репетиции, ее нельзя было не бросить, это было неминуемо, потому что женщина растворилась в этом человеке, бросила себя ему под ноги. Дом запущен, ходит в халате, это было нечесаная-неприбранная — конечно, он ее бросил. Постепенно выясняется, что по существу она никого не любит, не умеет. Но потом, пережив горе, она начинает замечать других людей, в ней просыпается сострадание — и в душе ее наступает мир.

— Помню, как-то давно на 8 Марта была на питерском ТВ передача: в кадре сидели три очень популярные актрисы — Наталья Тенякова, Антонина Шуранова и Лариса Малеванная, и говорили о любви. За эти годы что-то изменилось в вашем понимании любви?

— Да, тогда я была под впечатлением пьесы Макса Фриша “Санта-Крус”, в которой меня одна мысль ошеломила. Потом я отошла от этого, но теперь снова вернулась. Там молодая героиня мечется, выбирает между богатым бароном и нищим бродягой моряком. А отец ей говорит: “Не бойся случайностей, Эльвира! За кого ты выйдешь замуж — все равно. Это случайность. Не случайно лишь одно, что ты — Эльвира”. То есть важно лишь то, какова ты сама. Я очень боюсь учить, поучать, даже страшно высказываться о любви. Это самое трудное искусство. И это куда-то улечучивается из жизни. Любить мало кто умеет. И я не уверена, что я умею. Это очень большой вопрос. И самый насущный.

— Я пыталась как-то недавно понять, что происходит в театре с любовью. Если раньше “и крестьянки любить умели”, то теперь и герои-любовники этим не интересуются.

— Что-то случилось с жизнью. Мы ее до того довели, что она это чувство истребляет. Мне кажется, сегодня мало кто переживает это чувство — в том широком смысле, о котором вы говорите. Когда я думаю о сыне, о внуках, я понимаю, что люблю их. Хотя ограждаю себя от безумной любви, такой, когда любишь не их, а себя, свое чувство, упиваешься им. Стараюсь так же относиться к чужим людям. Много вещей мы не знаем. Не знаем зависимости наших душевных движений от космических сил, взаиморасположения звезд.

Говорят, что стык веков на человека влияет. Всегда начало века переживается нервно, конфликтно, тревожно. Чеховское “Холодно-холодно... пусто-пусто...” — это то, что было в начале XX века, и в начале XXI — так же. Наверное, выход только один: превратиться в маленький фонарик и освещать дорогу хотя бы тем, кто рядом, хотя бы чуть-чуть.